

ДОМ НАД ЧЕРНОЙ РЕКОЙ



ЕЛИЗАР АНДЕРСОН

Елизар Андерсон

Дом над чёрной рекой

«Автор»

2026

Андерсон Е.

Дом над чёрной рекой / Е. Андерсон — «Автор», 2026

Алине Ветровой достаётся в наследство усадьба над чёрной рекой — при условии, что она проживёт в доме целый год и не отдаст ключ от северной комнаты тому, кто придёт за ним в полночь. Хранитель усадьбы, мрачный и непроницаемый Северин Гром, знает о ней то, чего она не знает сама о себе. Каждую ночь дом шепчется за стенами, а его хозяин смотрит на Алину так, будто ждал её двадцать лет. Тёмная романтика о наследстве, одержимости и любви, за которую придётся заплатить всем, чем дорожишь.

© Андерсон Е., 2026

© Автор, 2026

Елизар Андерсон

Дом над чёрной рекой

ЕЛИЗАР АНДЕРСОН
Дом над чёрной рекой

роман

2026

АННОТАЦИЯ

Алине Ветровой достаётся в наследство усадьба над чёрной рекой — при условии, что она проживёт в доме целый год и не отдаст ключ от северной комнаты тому, кто придёт за ним в полночь. Хранитель усадьбы, мрачный и непроницаемый Северин Гром, знает о ней то, чего она не знает сама о себе. Каждую ночь дом шепчется за стенами, а его хозяин смотрит на Алину так, будто ждал её двадцать лет. Тёмная романтика о наследстве, одержимости и любви, за которую придётся заплатить всем, чем дорожишь.

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог
Глава 1. Чёрная Гать
Глава 2. Хранитель
Глава 3. Правила дома
Глава 4. Письма
Глава 5. Тот, кто приходит в полночь
Глава 6. Северная комната
Глава 7. Договор
Глава 8. Зима в одном доме
Глава 9. Тонкий лёд
Глава 10. Пожар
Глава 11. Пепел
Глава 12. Возвращение
Эпилог

ПРОЛОГ

В тот ноябрьский вечер в Москве шёл мокрый снег, и меня бросил Митя.

Он сделал это по телефону, что даже обиднее, чем если бы по почте: сказал, что «всё слилось», «нет искры», и что он уже как месяц снимает квартиру на Соколе. Я слушала, глядя на чайник, который закипал и шумел, как поезд, уходящий в гору. Два года — и «нет искры». Я хотела возразить, что искру не берегут в кармане, а трут, но Митя уже отключился, потому что у него созвон.

Мне двадцать семь, я ведущий редактор в издательстве «Слово», я правлю чужие романы о любви за деньги и сама не верю, что любовь переживает съёмную квартиру и срок годности

холодильника. В тот вечер я решила одну вещь: если мне выпадет шанс на сюжет из чужой книги — я в него влезу. Хотя бы чтобы проверить, что там внутри.

Работа у меня была соответствующая. В «Слове» я отвечала за художественную серию — а в моду, как вы помните, шла тёмная романтика: дома с тайнами, мужчины с прошлым, любовь, от которой сначала больно. Я читала такие рукописи тоннами и правила их с профессиональной яростью: убирала лишние слёзы, ставила запятые в клятвы, вычёркивала главы, где героиня прощала слишком дёшево. Коллега Даша говорила: у тебя стальная редакторская вилка — на ней можно резать хлеб и отношения. Я гордилась. Теперь, глядя на чайник, который шумел в пустой квартире, я думала: вилка-то стальная, а зачем она — неизвестно.

В ту пору мне на правку попала рукопись о девушке, которая унаследовала дом с условием. Я помню, как сидела с ней до двух ночи, перечёркивала штампы и думала: наивно. Дома не выбирают нас. Дома стоят. Это мы придумываем, что они зовут. Через неделю мне позвонил нотариус — и я, строго говоря, с той минуты перестала править чужие романы. Я в них вошла.

Шанс вошёл в мою жизнь утром в четверг, в кабинете нотариуса на Пятницкой.

— Ветрова Алина Андревна, — произнёс нотариус, глядя поверх очков, будто проверял, совпадаю ли я с паспортом. — Вам завещано имущество покойной Ветровой Антонины Степановны: усадьба «Чёрная Гать» с земельным участком, расположенная в Берёзовском районе, площадью... — он назвал цифру, от которой у Пятницкой, кажется, потемнели окна. — Завещание составлено пять лет назад. Есть условия.

— Какие? — спросила я, хотя уже чувствовала: не хочу знать.

— Вы должны прожить в доме двенадцать месяцев с даты вступления в права. Не сдавать, не продавать, не оставлять на срок более двух недель. И ещё. — Он откашлялся, и я поймала в его голосе что-то вроде стыда — так люди читают вслух чужие диагнозы. — Дословно: «Ключ от северной комнаты не отдавать никому и никогда, особенно тому, кто придёт за ним в полночь». Потом шли другие пункты, мелким шрифтом, как всё важное: содержимое дома переходит целиком; деньги лежат на особом счёту; и последнее, от чего у меня пересохло в горле: «Исполнителем настоящего завещания назначаю Грома Северина Владимировича, проживающего при усадьбе». Значит, хранитель был не фантазией посёлка. Хранитель был завещанием.

Я хотела рассмеяться. Смех не вышел — застрял где-то между рёбрами, как застревает всё, чему не находят места.

Бабушка Антонина выгнала меня из дома, когда мне было семь. Мама собрала меня за час: тепло одела, засунула в рукав фотографию отца и повезла в Москву, к подруге юности, у которой жили потом вчетвером в одной комнате. За двадцать лет — ни письма, ни звонка, ни открытки на день рождения. На похоронах матери, десять лет назад, бабушка стояла у дороги, не подходя к яме. Я запомнила её руки — сложенные на животе, как у человека, который держит в себе что-то тяжёлое и не хочет, чтобы это вывалилось.

И вдруг — дом с условиями из чёрного романа. Который я, между прочим, редактирую. Я знаю все их козыри: завещание, странный ключ, полночь.

— А если я откажусь? — спросила я.

Нотариус пожал плечами — профессионально, ровно, как выдаёт квитанцию:

— Тогда усадьба перейдёт к вашему двоюродному брату, Олегу Всеволодовичу Ветрову.

Вот тогда мне стало по-настоящему не по себе. Олег. Последний раз я видела его на похоронах матери: он стоял у пепелища дачного домика — мама сгорела в том пожаре, я до сих пор не знала, откуда он взялся, — и смотрел на обгоревшие балки так, будто пепел ему не хватал. Ему тогда было девятнадцать, и в глазах уже сидело то, что у нормальных людей садится к пятидесяти.

— Я подумаю, — сказала я и ушла, не прощаясь.

Прощание с Москвой заняло три дня. Я сдала квартиру хозяйке, отдала ключи Даше вместе с комнатными растениями — у неё после Мити остались кошка и неоплаченный счёт за

интернет, и мне казалось, что фикус ей не мешает. Начальник серии, услышав про «семейные обстоятельства», поморщился: «Алина, у нас три рукописи в тоннеле, и одна — твоя любимая тема, дом с тайной». Я сказала, что дом с тайной — это теперь мой семейный вопрос. Он решил, что это метафора. Люди в издательстве всегда решают, что всё — метафора, пока метафора не звонит им в дверь.

В последний вечер я разбирала шкаф и нашла шкатулку матери. Там лежало немного: ободок с исцарапанной бусиной, фотография, на которой я плачу ровно в тот момент, когда мне зажигают свечи, и конверт без марки, запечатанный так тщательно, будто внутри не письмо, а пропуск. Я не стала его вскрывать. Я боялась, что внутри будет мамин почерк, а мамин почерк я боялась больше всего на свете, потому что с ним не поспоришь, и он не ответит на вопросы. Вместо этого я положила конверт на самое дно чемодана, между свитерами, и поехала встречать дом, который, если верить тётё Любе, умеет звать.

Вечером позвонила тётя Люба, мамина сестра, единственный человек, который когда-либо рассказывал мне о Чёрной Гати.

— Алинка, ну ты понимаешь, что это ловушка, — сказала она вместо «здравствуй». — Мать твоя оттуда уехала и запретила даже произносить это название. А теперь дом сам тебя зовёт? Дома так не делают. Дома так не умеют.

— Дома не умеют звать, тётя Люб. Это делает завещание.

— Завещание тоже пишут в домах, — сказала она упрямо. — А если уж поедешь — слушай одного человека. Там управляющий есть, Гром его. Молчун страшный, но мать твоя говорила: пока Гром у дома — дому цены нет. И ещё: никому не отдавай ключ, кем бы он ни был. Даже если покажется, что это я. Даже если покажется, что это мама.

Я засмеялась, чтобы она не слышала, как у меня похолодели уши.

Ночью мне приснился дом. Дом над чёрной рекой, которую я не видела двадцать лет, стоял во мгле, в каждом окне горела свеча, и все свечи горели в мою сторону — ровно, терпеливо, как глаза зверя, который ждёт, пока ты сам подойдёшь к клетке.

Я проснулась в четыре утра и купила билет на электричку.

До поезда оставалось шесть часов, и я их не проспала. Я лежала и слушала квартиру — шум холодильника, соседку за стеной, город, который не замолкает целиком никогда, — и думала, что через сутки буду слушать другое: дом, в котором жила бабушка, которого мама боялась больше огня, и к которому я отделена одним-единственным детским воспоминанием — о холоде и чужой руке. В каком-то смысле я ехала за этой рукой. Я тогда ещё не знала, что руки, которые однажды тебя вытащили, никуда не деваются. Они просто ждут, чем закончится твой взрослый путь. Потому что Митя сказал «нет искры». А тут, судя по всему, искра была. Вопрос был только, кого она сожжёт.

ГЛАВА 1. ЧЁРНАЯ ГАТЬ

До усадьбы я добиралась вечность: электричка до районного центра, перекладной автобус, потом попутка — «Волга» с рыжим водителем, который на вопрос «Далеко ещё?» только качал головой, но через полчаса всё-таки заговорил сам.

— В Гать едешь? — спросил он, глядя на дорогу.

— В Чёрную Гать.

— Это самое, — он помолчал. — Я туда людей не вожу. Вozил в прошлом году одного — до дома не доехал, развернулся. Плакал весь. Говорю: что случилось? Говорит: сорок лет не был, а дом меня не узнал. Станный народ. Дом есть дом — он ни при чём.

— А вы-то откуда знаете?

— Мой отец там при Всеволоде Артамоновиче конюхом был, — буркнул водитель, и больше не сказал ни слова до самого посёлка.

Но перед самым поворотом он всё-таки добавил, глядя прямо перед собой:

— Слышь, девушка. Я тебя везу, потому что мне некуда деваться — заказ есть заказ. Но скажу, как отцу бы сказал. Если дом тебе не понравится — не спорь с ним. Развернись и иди. Дома, как и люди, уважают тех, кто умеет уйти. А тех, кто не умеет, — держат.

— А если я умею? — спросила я.

Он впервые посмотрел на меня в зеркало — долго, как оценивают вещь, которую везут последний раз.

— Вот и посмотрим, — сказал он. — Все так говорят. До холма.

Посёлок Берёзовка встретил меня тишиной и запахом дыма — кто-то жёг листву, хотя ноябрь стоял мокрый, без снега. Покосившиеся заборы, лавка с выцветшей вывеской «Хлеб», дед с тележкой, который проводил меня взглядом от поворота до самого моста — и ни одного человека, который не знал бы, куда я иду.

Чёрная Гать стояла на холме над рекой Ветшанкой — тёмной, узкой, будто полоса туши, проведённая по земле. Двухэтажный купеческий дом с резными наличниками, давно потемневшими от сырости; голые яблони во дворе, стянутые морозом; плетень, местами переложённый новым хворостом — за домом кто-то ухаживал. Ухаживал хорошо и молча.

Ворота открылись сами — вернее, их никто не закрывал. И тут я поняла, что меня ждут.

Во дворе стоял человек. Высокий, в чёрном пальто, хотя мороза ещё не было. Он стоял у крыльца неподвижно, и под вечерним небом его лицо казалось вырезанным из того же материала, что и дом, — тем же ножом и той же рукой.

— Алина Андреевна, — сказал он. Не спросил — констатировал. Голос низкий, немного хриплый, с ржавчиной на дне. — Северин Гром. Управляющий. Ваша бабушка назначила меня хранителем усадьбы до вашего приезда.

— Хранителем, — повторила я. — А от кого вы её хранили?

Он посмотрел на меня так долго, что я почувствовала холод за воротником.

— От тех, кто приходит ночью, — сказал он наконец. — Давайте чемодан. Дом вам не понравится. Но вы привыкнете. Остальные привыкали.

Внутри дом оказался лучше, чем снаружи: не убит временем, а застывший во времени. Печная плитка с синими колокольчиками, красное дерево лестницы, запах воска, сухих яблок и ещё чего-то — табака, совсем слабого, будто его курили здесь много лет назад и дом не смог забыть. Всё было чисто. Слишком чисто — будто дом готовили к приезду гостя, которую ждали очень долго и очень недобро.

Северин провёл меня по комнатам, не спрашивая, хочу ли я этого. Я прошлась по первому этажу сама — тихо, бесшумно для редактора, который умеет читать чужие тексты, не шурша страницами. Гостиная с задёрнутыми шторами — я отодвинула одну, и в комнату вошло ноябрьское небо, серое и низкое. Книжный шкаф: пыль есть, а пустых полок нет — книги стояли плотно, перемежаясь с банками с травами. У стены — резной буфет, запёртый на круглый ключ. На стене коридора — фотографии: свадьба, где все смотрят на фотографа, кроме одной женщины, которая смотрит куда-то за его спину; дети у пруда; дом в молодости — с белыми наличниками и без чёрной крыши. Лица на фотографиях были целы. Все, кроме одного: на групповом снимке мужчина стоял так, что лицо его было стёрто чем-то острым, до блестящей белизны.

Я не стала трогать. Я записала в голове: вернёмся. Редакторы всегда возвращаются к местам, которые отметили. Кабинет с закрытым резным шкафом. Столовая с самоваром, отполированным до зеркала. Спальня на втором этаже — с кроватью, застеленной сиреневым стёганным покрывалом.

— Бабушкина? — спросила я.

— Нет. Ваша, — сказал он. — Мебель не меняли.

Я подошла к косяку — и сердце ушло куда-то вниз. На торце двери, на уровне метра от пола, шли зарубки карандашом: ряд цифр и даты. Самая нижняя — моя ростовая отметка семилетней давности, с инициалами, которые я выводила в детстве: «А. В.».

— Вы знали мою мать? — спросила я, потому что спросить про зарубки было страшнее.

— Старшую? Знала вся округа. Младшую — вас — тоже, — он стоял уже у двери, держа за ручку. — Внизу, в столовой, ужин в семь. Я готовлю незамысловато, но съедобно. Спать будете здесь. На ночь задвиньте засов — не от меня. От ветра.

И ушёл, ступая бесшумно для такого большого человека, оставив меня в комнате, где двадцать лет ждали именно меня.

К ужину он пришёл с горшком: гречка с грибами, солёные огурцы из бочки. Мы ели молча, и я из профессиональной привычки — редактирую чужие романы, помните? — мысленно правила его молчание, расставляла тире, искала подтекст.

— Почему дом называется Чёрная Гать? — спросила я наконец. — Река вроде Ветшанка.

— Гать — это брод, — сказал он, не поднимая глаз. — Старый брод через реку. Чёрный — потому что вода там чёрная. А чёрная она потому, что на дне торф. Или потому, что туда много лет свозили всё, что хотели спрятать. Зависит от того, кого спросить.

— А вы кого спрашивали?

— Никого, — сказал он. — Я выучил наизусть. Но вы спросили бы иначе. Вы бы спросили, правда ли, что дом построен на глазах у утопленницы. И я бы ответил: дом построен на холме, а холм стоял до дома. Дальше — уже какой у вас характер.

— А какой у вас?

— Мой характер, — сказал он, поднимая чашку, — тот, за который платят. Он мне не принадлежит. Как форма охранника не принадлежит охраннику.

Мы доели молча. Я ловила себя на том, что смотрю, как он ест — экономно, точно, не оставляя крошки, — и вспоминаю отца, которого почти не помнила: по маминым рассказам, отец ел так же, будто боялся, что еду отнимут. У Севера та же бережливость. Люди, которым еду отнимали, узнают друг друга по манере держать ложку.

— Почему часы стоят? — спросила я, кивнув на холл, где маятник висел безмолвный.

— Я их остановил.

— Зачем?

Он отодвинул тарелку — ровно, по центру.

— Потому что часы в доме — это рот. Они всё время говорят: идёт, идёт, идёт. А дом хочет молчать. Часы — единственные, кто в доме говорит правду, а правда скучная: время идёт, и вы уедете. Я остановил их, чтобы не слушать. — Он поднялся. — Спите, Алина Андреевна. Завтра покажу хозяйство, если захотите.

— А если не захочу?

Он впервые посмотрел на меня с чем-то похожим на одобрение.

— Тогда покажу то, что захотите вы. Доброй ночи.

Он поднял глаза. Серые, холодные, с тёмным ободком у радужки — глаза человека, который выучил, что смотреть долго нельзя.

— Я не спрашиваю, Алина Андреевна. Я уже знаю. Вам вот только предстоит.

Ночью дом заскрипел. Я лежала в бабушкиной — нет, в своей кровати, слушала, как стены остывают, как в трубах шевелится ветер, и думала о зарубках на косяке. Дом не просто помнил меня. Дом меня досчитал — до последнего сантиметра.

Перед сном я прошла по коридору в последний раз — проверить засов, как он велел. У самой северной двери остановилась. Дверь обита чёрным сукном, без ручки, с медной скважиной, и от неё пахло холодом — не сыростью, не плесенью, именно холодом: так пахнут ключицы зимой и так пахнут решения, которые ещё не приняты, но уже ждут.

— Доброй ночи, — сказала я двери вслух и сама себе удивилась. И тут же услышала в ответ — нет, не скрип, не шаг. Тишину. Особенную, внимательную, как тишина в аудитории, когда все повернулись к доске.

На лестнице я оглянулась: в пристройке, за двумя дверьми, горел свет. Не спал. Конечно, не спал. Я стояла и смотрела на эту полоску света, пока она не погасла — ровно в двенадцать, я проверила по телефону. И подумала, что в Москве я засыпала под гул машин, а здесь — под чьё-то дежурство. Мне было неловко, что это успокаивает. Неловче всего было то, что успокаивает именно это, а не собственная смелость.

Засыпая, я услышала, как где-то в глубине дома — мягко, вполсилы, сочно — закрылась дверь. Не входная. Другая. И дом вздохнул всеми своими стенами, как выдыхают после долгого разговора: наконец-то. Наконец-то все дома.

ГЛАВА 2. ХРАНИТЕЛЬ

Первую неделю я жила как в санатории с привидениями: днём разбирала бабушкины вещи, ночью — слушала дом. Дом действительно шумел. Стук в трубах — но печь топилась исправно и грела. Шаги за торцевой стеной — но за стеной снаружи висела голая глициния, и ноябрьскому ветру было где разгуляться. А ещё был запах табака, которому не было разрешения: дважды, проходя ночью по коридору, я улавливала у самой северной двери слабый запах чужой сигареты. Не трубки. Именно сигареты — резкий, дешёвый, каким пахнут ожидания на вокзалах.

Северин появлялся по утрам: приносил дрова, молча ставил чайник. Я пыталась помогать — редакторы не умеют сидеть сложа руки, мы даже чай завариваем с ощущением дедлайна. На второе утро я вышла во двор с топором, который нашла в сених, и принялась колоть дрова по-городскому, то есть сразу по пальцам. Топор из моих рук исчез так быстро, что я некоторое время смотрела на пустые руки.

— Вы гостя, — сказал он. — Гость в доме — как первая страница: его читают, им любят, его не ставят печатать.

— Я не гостя. По документам я хозяйка.

— По документам, — согласился он и расколол полено одним движением, которому позавидовал бы любой дровосек. — А по смыслу вы гостя, пока дом не решит иначе. Пока не решите вы. Дрова — мои. Руки у вас для другого.

— Для чего? — огрызнулась я, потому что обидно было именно на правоту.

Он посмотрел на мои руки — одну секунду, ровно столько, чтобы я это заметила, — и сказал:

— Править. Тянуть. Держать кое-что, что я не умею держать.

И унёс топор. Я осталась стоять с обиженными пальцами и с подозрением, что в этом доме даже дрова колют с подтекстом. Я застала его однажды за чисткой сапога у порога — сидел на корточках, огромный, и водил щёткой так сосредоточенно, будто от этого зависело что-то важнее обуви.

— Вы здесь давно? — спросила я.

— Двадцать лет.

— Всю жизнь?

Он поднял глаза.

— Нет. До этого я жил в другом месте и был другим человеком. Ваша бабушка отдала мне эту работу вместе с крышей над головой. Условие было одно: служить дому, пока не приедете вы.

— Почему именно я? Она меня возненавидела. Она выгнала меня с матерью.

— Она выгнала вас, чтобы вы уехали, — сказал он, и впервые за неделю в его голосе дрогнуло что-то живое. — Ненависть выглядит иначе. Это я могу узнать с закрытыми глазами.

В четверг я решила и поднялась на чердак — профессиональная болезнь редактора: не вынести непрочитанного. Чердак оказался удивительно пустым: два сундука, клеть с засушенными яблоками и коробка, перевязанная бечёвкой. В коробке — детские рисунки. Я узнавала их с трудом, потом легче: дом с красным солнцем над крышей. Дом и человек с длинной тенью. Девочка, которая тонет в чёрной воде, и рука — большая, взрослая — тянется к ней сверху.

— Вы не должны были сюда подниматься.

Я вздрогнула. Северин стоял на лестнице — я не слышала, как он поднялся, и это уже переставало удивлять.

— Это я рисовала?

Он кивнул. Я перебрала рисунки: их было семь. Дом с красным солнцем — солнце над домом я рисовала всегда красным, помнила вдруг, само воспоминание пришло, как нагрянувший гость. Дом и человек с длинной тенью — во всех семи тень была, и в каждой — длиннее предыдущей. И серия: девочка уходит под лёд. Первая — девочка стоит на льду, целая. Вторая — трещина. Третья — вода по щиколотку. Я разворачивала их одну за другой, и вода поднималась: по колено, по пояс, по шею. Седьмой рисунок — только чёрная вода и белая рука, торчащая из неё. На обороте седьмого, карандашом, крупно: «АЛИНА».

— Это вы рисовали, — он не подошёл, не заглянул в коробку — ему не надо было. Он знал содержимое. — Вам было шесть. Весна. Вы постоянно рисовали один сюжет: девочка уходит под лёд. Психологи в райцентре, куда вас бабушка возила, говорили: травма. А она говорила: память. Садовая тень помнит всё, что по ней прошло.

— Я чуть не утонула, — сказала я медленно, будто читала чужой текст, который вдруг надо вычитать вслух. — Лёд подо мной провалился у самого берега. Мне семь лет. Я помню холод и чью-то руку — крупную, с царапиной на костяшках. Она не отпускала меня, даже когда нас уже выносили на берег. — Я посмотрела ему в лицо. — Это были вы?

Он молчал долго. Пыль в луче света поворачивалась и ложилась.

— Не я один, — сказал он наконец. — Но я был там. И я не отпустил. Это вы помните правильно.

— А кто был второй?

— Вода, — сказал он просто. — Она тоже тянула. Сильнее меня.

Я ждала, что он уйдёт, но он вдруг сел на сундук напротив — со мной на одном уровне, чего не делал никогда.

— Будут правила, Алина Андреевна. Потому что вы настойчивая, как ваша мать, и полезете туда, куда не надо. Слушайте один раз, а я не люблю повторять.

Он загнул палец.

— Первое. Ночью, если вас позовут по имени из коридора — не отвечайте. Ни слова, ни звука. Днём можно, ночью нельзя.

Второй палец.

— Второе. В полночь новолуния никого не впускать и не выходить самой. Кто бы ни стучал. Что бы вам ни говорили и кем бы ни прикидывались.

Третий.

— Третье. Не ходите к реке на закате. Одной — никогда.

— Это всё? — спросила я. — Или есть правило нулевое: не задавать вопросов?

Он посмотрел на меня внимательно, как смотрят на черновик, в котором вдруг нашли хорошую строчку.

— Есть, — сказал он. — Не верить мне слишком рано.

И спустился вниз, оставив меня с коробкой чужих детских рисунков и с ощущением, которое я не решалась назвать, потому что у него нет приличного названия, а без названия — нет и власти.

Я забрала один рисунок — с красным солнцем. Он не возразил бы и на это; рисунок был мой, и точка. Спускаясь с чердака, я ловила себя на мысли, что уже начала различать: иногда он говорит не мне — он говорит через меня, для того, кто когда-нибудь будет читать эту историю. Дома, в конце концов, всегда находят читателя.

В тот же вечер, за чаем, он впервые заговорил о бабушке без моих вопросов. Рассказал, как Антонина пришла в этот дом невестой — привезённой из райцентра, молодой, с чемоданом, в котором, по слухам, было больше книг, чем платьев. Первую зиму она болела и ходила по комнатам, прислушиваясь — как я сейчас. Всеволод тогда ещё не стал тем Всеволодом, которого я буду бояться по рассказам: он был хозяином, молодым, «с большими планами», и дом ему подчинился, как лошадь поддаётся седоку, который её боится. Антонина осталась. Потом, много лет спустя, когда дом стал считать её своей, она привела сюда невестку — мать мою. А та, прожив лет пять, начала ходить по комнатам, прислушиваясь, как я сейчас, — и уехала.

— Значит, дом проверяет, — сказала я. — Сначала бабушку, потом маму. Теперь меня.

— Дом не проверяет. Дом присматривается. Проверяют люди. Дом просто стоит и ждёт, кто из вас сильнее: вы — или привычка уезжать, которая в вашей семье, между прочим, древнее привычки оставаться.

— А вы кого ждали двадцать лет? Меня — или привычку оставаться?

Он поставил чашку. Ответил не сразу — я уже знала, что его паузы всегда заканчиваются правдой, просто не всегда полной.

— Я ждал, пока привычка уедет. Она уехала сегодня вечером, если вам интересно. Я слышал, как хлопнула дверь.

После чая я подошла к книжному шкафу — уже по-честному, с разрешения, которое он дал кивком. И поняла, что двадцать лет при доме жил человек, который читал. Навигация и жития святых стояли рядом, будто корабль и икона: одни оберегают от воды, другие — от всего остального. Атласы с закладками. Сборник стихов в клеённом переплёте, растрепанный до мягкости молитвенника. Я взяла его — книга разошлась на странице сама, страница была читаема до дыр.

— Эту вы часто читаете?

— Эту я читать не умею, — сказал он. — Эту я зубрю. Есть разница. Читают для удовольствия. Зубрят на случай.

— На случай чего?

— На случай, когда слова кончатся, а сказать надо будет именно то. — Он взял у меня книгу, закрыл, поставил на место, и я заметила: на полке лежало свободное место, аккуратно выдолбленное пылью. Книга стояла там вдвоём с какой-то другой, которой давно не было. — Спите, Алина Андреевна. И правило нулевое не забывайте: не верить мне слишком рано. Вы пока верите поздно — это даже хуже, но лечится.

Я поднялась к себе с этой фразой и долго не могла уснуть. Поздно. Он следил, как я верю: поздно и недоверчиво, как открываю двери — на цепочку, как читаю условия — дважды. Человек, который знает вашу манеру верить, знает о вас больше, чем тот, кто знает вашу фамилию. И я лежала в темноте и чувствовала, что в этом доме моя фамилия — самое маленькое, что обо мне знают.

ГЛАВА 3. ПРАВИЛА ДОМА

В воскресенье пришла Пелагея Ивановна — соседка с нижнего конца улицы, женщина с лицом доброй картошки и глазами таможенника. Она принесла яйца «от себя, не отказывайся» и провела ревизию дома быстрее пожарного.

— Так, — сказала она, опускаясь на лавку и хватая меня за рукав, когда я попыталась уйти на кухню. — Садись. Сплетни не пьют чай в одиночку, им несладко.

Она знала про завешание, про условие, про северную комнату — в посёлке не было ничего, что знал бы дом, а не знала бы Пелагея Ивановна.

Пришла она с утра, когда я мыла полы — да, я мыла полы в унаследованном доме, потому что наследство пахнет воском и чужими яблоками, а я хотела, чтобы оно пахло моим трудом. Пелагея Ивановна сняла башмаки у порога, хотя я просила не стесняться, и вошла в дом так, как ходят в храм: и торопливо, и осторожно.

— Значит, правда приехала, — сказала она, оглядываясь. — Я Антонине говорила: девка вернётся, они все возвращаются, тут земля каблуками цепляет. А она мне: «Моя вернётся не по земле. Моя вернётся по воде». Я тогда подумала — старость. А теперь вот смотрю на тебя и думаю: старость — оно вообще бывает правое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.